

Е. Евдокимов

Музей «Невская застава», Санкт-Петербург

Где родился Михаил Кузмин? Некоторые дополнения к опубликованным ранее материалам

Поставленный в заголовок данной публикации вопрос может показаться банальным. Ответ на него имеется в большинстве справочников. Родина Михаила Алексеевича Кузмина — Ярославль. Об этом писал и сам Кузмин; подтверждают место рождения и все известные документальные свидетельства. Но в какой части города Ярославля он родился? Где стоял или стоит до сих пор тот дом, в котором появился на свет будущий поэт? До недавнего времени ответа не было.

Выступая в 2012 году на конференции, приуроченной к 140-летию со дня рождения поэта, автор этих строк вынужден был констатировать, что попытки установить адрес ярославского дома, в котором квартировала семья Кузмина, пока не увенчались успехом.¹ Выявленные за прошедшее десятилетие в Государственном архиве Ярославской области документальные свидетельства помогли решить эту проблему.

Вопрос о точном месте рождения Кузмина до сих пор, кажется, никогда не поднимался биографами поэта. Что легко объяснимо: «кузминоведов» в первую очередь интересует творчество поэта, тогда как бытовая сторона жизни оставлена на откуп «краеведам». Но и ярославские краеведы, по неведомой причине, не проявляли особого интереса к этой теме, выдавая на-гора массивы сведений об иных местнотимых деятелях. При том что краеведение играет весьма важную роль в диверсификации туристических маршрутов, выявление «кузминского»

локуса могло бы создать новую точку притяжения на карте Ярославля. Так в Саратове самодеятельные экскурсоводы уже включили в перечень объектов своего показа «дом Смирнова», где якобы прошли детские годы Кузмина. И это несмотря на то, что саратовские архивисты давно указывали, что дом этот до наших дней не сохранился.²

Следует отметить, что и при жизни Кузмина ярославцы не проявляли заметного интереса к творчеству своего прославленного земляка, за исключением отдельных просвещенных представителей ярославской интеллигенции. Поэтому Кузмин был особенно внимателен к любым обращениям с их стороны.

Один из самых известных примеров тому — намечавшееся сотрудничество Кузмина с ярославским книгоиздательством Константина Федоровича Некрасова.³ И хотя планы Некрасова по изданию альманаха «Старые усадьбы» (для которого Кузмин написал стихотворный цикл «Бисерные кошельки» и рассказ «Набег на Барсуковку»), а также проект публикации пьес Карло Гоцци в переводе Кузмина остались неосуществленными, было бы ошибкой утверждать, что в издательстве К. Ф. Некрасова не было опубликовано ни строчки Кузмина. В 1912 году вышел каталог, в котором, помимо выходных данных, приводились фрагменты благожелательных откликов и рецензий на новые книги издательства. В качестве такой своеобразной рекламы приводился фрагмент аполлоновского обзора Кузмина, посвященный «Ватеку» Бекфорда.⁴ Эта рекламная перепечатка журнальной статьи уточняет имеющийся список прижизненных публикаций критической прозы Кузмина.⁵

В начале 1925 года Кузмин откликнулся на просьбу молодых энтузиастов из Ярославля, просивших прислать биографические сведения и стихи для задуманного ими сборника «Ярославские поэты». Составителем антологии был Сергей Сергеевич Дмитриев (1906–1991), который впоследствии стал крупным историком, профессором МГУ. В его личном фонде в Государственном архиве Ярославской области сохранились подготовительные материалы к этому рукописному поэтическому сборнику⁶ — краткая сопроводительная записка Кузмина, автографы стихотворений («Я чувствую четыре» и «О чем кричат и знают петухи») и автобиография поэта, которая начинается словами: «Родился я в городе Ярославле 6 октября 1875,⁷ но покинул этот город в младенчестве и детство провел в Саратове, приезжая в родной город только как гость».⁸

Если в лучших традициях отечественного кузминоведения⁹ делать полный обзор хранящихся в Государственном архиве Ярославской области автографах Кузмина, то помимо его писем издателю К. Ф. Некрасову и материалов из фонда С. С. Дмитриева, следует упомянуть сохранившееся среди разнообразных рукописей фонда Ярославской губернской ученой архивной комиссии письмо Кузмина искусствоведу Михаилу Васильевичу Бабенчикову. Оно является ответом на просьбу последнего разрешить к постановке пьесу Кузмина «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» на сцене летнего театра в Териоках.

Многоуважаемый Михаил Васильевич,

конечно, я с радостью позволю поставить «Евдокию» людям, вкусу и расположению которых я вполне доверяю. Указания и советы довольно трудно делать, живучи так далеко и будучи тяжелым на подъем. Тогда, давно, когда мы мечтали о «Евдокии» у Комиссаржевской, мы предполагали ее в костюмах и стиле XVIII–XVII в.,¹⁰ что уже использовано Дягилевым для «Прекрасного Иосифа» Штрауса.¹¹ Конечно, это не обязательно, можно и без этого сделать остро и занятно. Хотелось бы советов Н. И. Кульбина, которому я очень верю. Во всяком случае я отвечать буду аккуратно, и если будет нужно, постараюсь приехать на спектакль. Конечно, не ручаюсь вполне.

Относительно музыки, будьте добры, напишите мне, кто (какие голоса) участвуют, выскажите ваши желания и позвольте мне самому кое-что выбрать. Все это мне нужно знать дней *за 10*, чтобы я успел переписать и прислать вам, а поющие — разучить.

Шлю приветы всем и желаю всякого успеха.

Готовый к услугам.

М. Кузмин.

Мне кажется, что кроме моего разрешения не дурно бы иметь разрешение и исправника. Или это закрыто? Или в Финляндии можно?

12 июня 1914.

Приятно, что вы, Михаил Васильевич, принимаете близкое участие к этому вечеру. Если будете писать, скажите адрес летний Н. И. Кульбина.¹²

Нахождение письма в этом фонде на первый взгляд может показаться странным. Но учитывая, что Ярославская губернская ученая архивная комиссия собирала все, связанное с историей ярославского края, в том числе, рукописи уроженцев этих мест, и принимая во внимание, что М. В. Бабенчиков в 1919–1921 годы руководил ярославскими музеями, обнаружение здесь этого письма вполне объяснимо.

В переписке с ярославцами Кузмин ни разу не обмолвился о доме, где он родился. Хотя в отличие от года рождения, Кузмин никогда не скрывал своего происхождения и места рождения. Давно известно, что стихотворные строки Кузмина «За то, что вырос в Ярославле, Свою судьбу благословлю!»¹³ — не более чем поэтическая гипербола. Ведь семья Кузмина переехала из Ярославля в Саратов, когда ему не было и полутора лет. Но Кузмин, как говорят, «держался ярославских корней», всегда подчеркивал, что происходит из дворян Ярославской губернии. Имя Михаила Алексеевича Кузмина имеется в опубликованном недавно справочнике дворян Ярославской губернии,¹⁴ продолжающем традиции аналогичных дореволюционных генеалогических опусов. Правда, при свойственном такому роду изданий лаконизме, там не содержится никаких сведений о Кузмине как о сколько-нибудь значимой фигуре в истории отечественной культуры.

Фамилия Кузминых была внесена в шестую, самую престижную, часть дворянской родословной книги, куда записывались древние дворянские роды. Старшие братья и сестры получили соответствующее свидетельство о дворянстве в сентябре 1872 года, буквально за месяц до рождения Михаила. Самому Михаилу Алексеевичу такое свидетельство было выдано гораздо позже, и судя по почерку в документах, хлопотала об этом его мать Надежда Дмитриевна. Документ был доставлен в Петербург 3 октября 1897 года, о чем свидетельствует сохранившаяся в деле отметка вручившего его околоточного надзирателя и расписка адресата: «Приложенное свидетельство получил. Михаил Кузмин».¹⁵

Отец будущего поэта, Алексей Алексеевич Кузмин переехал с семьёй в Ярославль вскоре после назначения его в 1863 году председателем Ярославской палаты гражданского суда, поселившись неподалёку от церкви Рождества Христова, стал ее прихожанином. Об этом свидетельствует запись в исповедной росписи храма, сделан-

ная в следующем 1864 году.¹⁶ Здесь А. А. Кузмин с супругой крестили своих новорожденных детей, здесь же отпевали некоторых из них, умерших в младенческом возрасте. В этой же церкви 18 октября 1872 года был крещен и Михаил Кузмин.

Территория прихода храма Рождества Христова, расположенного близ Волжской набережной на Малой Варваринской улице, была совсем небольшой: к нему относилась только современная нечетная сторона улицы, тогда как дома на противоположной стороне улицы были закреплены за приходом находившейся там Варваринской церкви. По церкви Варвары Великомученицы улица и получила свое прежнее наименование. После революции улицу переименовали в память о Февральской революции 1917 года сначала в Малую Февральскую, потом стали именовать просто Февральской, а в 1979 году ей присвоили имя революционера М. С. Кедрова,¹⁷ по иронии судьбы однофамильца настоятеля Христорожественской церкви Аполлона Васильевича Кедрова, крестившего Кузмина. С южной стороны того же квартала, в двухстах метрах от храма Рождества Христова, находится другая древняя церковь — Николы Надеина, к приходу которой в свою очередь так же была причислена часть окрестных домов.

Следовательно, на протяжении всего ярославского периода Кузмины жили неподалеку от церкви Рождества Христова, и скорее всего, в одном и том же доме. Но как выяснить адрес их места жительства, если адресные справочники по Ярославлю в те годы не издавались?

При поиске дома, где родился Кузмин, мы обратили внимание на усадьбу, принадлежавшую крёстному отцу Кузмина — Дмитрию Ивановичу Чистякову. Он некоторое время был сослуживцем отца поэта. Усадьба Чистякова находится в непосредственной близости от церкви Рождества Христова. Крестный Кузмина слыл человеком предприимчивым и оборотливым. Приобрел на Волжской набережной два соседних дома неподалеку от дома ярославского губернатора (их современные адреса — Волжская набережная, 29/2 и 31а). Чистяков успешно вел хозяйственные дела и в 1906–1908 годах занимал должность ярославского городского головы. Сохранились его письма ярославскому купцу и краеведу А. А. Титову. В одном из них Чистяков сообщал: «Сосед мой Ив<ан> Ник<олаевич> Соболев, кажись, затевает свадьбку: все у него гости и веселие. Говорят, разду-

мал сын их жениться на дочери В. Ф. Холщевникова. Дай Бог ему счастья»¹⁸. Речь идет о соседе Чистякова, владельце дома на Волжской набережной, 33. Кузмины в этих письмах не упоминаются.

Быть может, сведения о месте жительства Кузминых сохранились среди документов родственников, которые могли гостить в Ярославле? Например, в свидетельствах о разрешении свободного проезда в разные города и губернии, на которых полицейские приставы ставили отметку о временном адресе проживания. Такие свидетельства с указанием различных адресов в Петербурге, где останавливался во время отпуска судья А. А. Кузмин, сохранились в его деле о службе. В Ярославль могли приезжать двоюродные братья или дядя Кузмина — Павел Алексеевич.¹⁹ Но подобные документы разыскать не удалось.

В деле о службе члена Ярославского окружного суда А. А. Кузмина нет сведений о месте его жительства, нет таких сведений и в разнообразных списках чиновников суда, в переписке по личному составу, книге об определении и увольнении со службы чиновников суда.

Кузмин со своей старшей сестрой были в Ярославле проездом 20 августа 1906 года, о чем оставил запись в дневнике: «Погода прелестна, мы путешествовали *en famille*²⁰ по Ярославлю, являя собой не то странствующую труппу, не то “наших за границей”. Попали в какой-то шикаристый ресторан со сценой, проходили мимо дома, где я родился, мимо церкви, где меня крестили: всё, говорят, такое же. Там тихий, уютный, замерший вид».²¹ Как видим, дом упомянут, но свидетельство столь скудное, что нанести на карту города маршрут прогулки не представляется возможным. Через несколько месяцев, после посещения петербургского ресторана «Яр» Кузмин записал в той же тетради дневника: «В зале, очень напоминавшей хорошие рестораны в провинции и, в частности, ярославский на бульваре, было очень холодно; редкие и добродетельные посетители слушали добросовестно какую-то садовую канитель со сцены».²² После этих слов становится понятно, что Кузмин с родственниками во время своей прогулки по Ярославлю обедали в ресторане А. К. Бутлера, что находился на Казанском бульваре, откуда они направились мимо искомого дома к церкви Рождества Христова близ Волжской набережной. Очевидный кратчайший путь должен был пролегать по Пробойной (ныне Советской) и Малой Варваринской улицам.

Сохранились воспоминания внучатой племянницы Кузмина, в которых говорится: «Они жили в Ярославле, в собственном каменном доме с большим садом».²³ Однако при внимательном просмотре списков ярославских домовладельцев того периода фамилия Кузминых нам ни разу не встретилась. Кроме того, можно предположить, что в 1874 году, когда отца Кузмина перевели по службе в Саратов, он должен был продать свой ярославский дом. Но и внимательный просмотр гигантских по формату и толщине нотариальных книг, где могла бы содержаться актовая запись о продаже Кузминым своего имущества, результатов не принес. Да и сомнительно, чтобы у Кузминых был свой собственный дом. В Ярославле второй половины XIX века недвижимостью чаще всего владели купцы, мещане и разбогатевшие крестьяне, сдававшие часть своих домов различным губернским чиновникам. Правда, имя Кузмина-старшего в нотариальных документах все-таки встречается: он как судья Ярославского окружного суда заверял каждый том нотариальной книги.

Положительный результат принес просмотр различных хозяйственно-распорядительных документов. В своих прошениях А. А. Кузмин в лучшем случае лишь кратко указывал: «Жительство имею в г. Ярославле». И только в одном деле удалось выявить более подробную запись. Алексей Алексеевич потребовал взыскать оброчную недоимку с временнообязанных ему крестьян деревень Зайцево и Короваево. Дело тянулось с 1868 по 1874 год. В «докладной записке», адресованной на имя губернатора в Ярославское по крестьянским делам присутствие, А. А. Кузмин написал: «Жительство имею в г. Ярославле против церкви Варвары Великомученицы в доме Холщевниковой».²⁴

Так мы узнаём имя настоящей владелицы дома — Екатерины Александровны Холщевниковой. Современный адрес — улица Кедрова, 5. Дом стоял через дорогу напротив Варваринской церкви, но находился уже на территории прихода храма Рождества Христова, и маршрут семейной прогулки 1906 года должен был пролегать мимо него. Всё сходится! Но почему же внучатая племянница Кузмина утверждала, что дом принадлежал им? Объяснять это следует вовсе не ошибкой памяти мемуаристки, ведь она приводила пересказ воспоминаний бабушки, услышанный из уст матери. В результате фраза «наш дом» в значении «дом, в котором мы жили» превратилась в

«дом, который нам принадлежал» — типичный для семейных преданий случай.

По описям второй половины–конца XIX века на участке стоял каменный, крытый железом, двухэтажный дом и два небольших деревянных флигеля (не сохранились). Хозяйка с сыном жили в главном доме, часть которого сдавала внаем. Сдаваемая квартира занимала большую часть помещений. Мещанка Холщевникова приобрела дом в 1861 году, а ее наследники были его владельцами вплоть до послереволюционной национализации городской недвижимости.

Интересно, что в первой половине XIX века рядом была усадьба и огородная земля, принадлежавшая Алексею Зиновьевичу Зиновьеву (1801–1884),²⁵ который в начале своей педагогической карьеры готовил М. Ю. Лермонтова по русскому и классическим языкам для поступления в Благородный пансион. Пригласила его для занятий Елизавета Алексеевна Арсеньева, бабушка поэта. В этой связи обратимся к свидетельствам Кузмина о своей бабушке, Екатерине Львовне Монготье, оставленные им на страницах дневника 1934 года: «Бабушка дружна была и с Арсеньевой, бабушкой Лермонтова». Хотя вряд ли при поиске места жительства в Ярославле семьей Кузминых были задействованы старые знакомства: к моменту переезда Кузминых в Ярославль Арсеньева уже умерла, а усадьба, которой Зиновьев владел в 1833–1848 годы, дважды перепродавалась. Но согласитесь, факт весьма примечательный. Как здесь не вспомнить слов исследователя, который, кажется, первым отметил, что «фигура Лермонтова просвечивает в его <Кузмина>, если можно так выразиться, “родовой истории”».²⁶ В отношении места рождения Кузмина справедливо будет говорить не столько о «родовой истории», сколько о «гении места»: здесь помимо связи с Лермонтовым, проявляется память о становлении российского театра. В середине XVIII века в непосредственной близости отсюда Федор Волков давал свои театральные представления в приспособленном для того амбаре. Это начинание Волкова принято считать первым русским общедоступным профессиональным театром. А владельцы дома на Малой Варваринской наверняка полагали, что имеют некоторое отношение к литературе: сын Холщевниковой Иван Александрович занялся торговлей книгами и канцелярскими принадлежностями.²⁷ В качестве рекламы своего заведения он продавал почтовые карточки с видами Ярославля,

причем заказывал печать их тиражей в Швеции. В наши дни эти оригинальные открытки, на которых указано «Изд<ание> книжн<ого> магазина И. А. Холщевникова», пользуются определенной популярностью среди филокартистов.

К сожалению, пока не удалось отыскать подробных описаний интерьеров дома Холщевниковой в Ярославле. Однако в романе Кузмина «Тихий страж» есть такие строки: «Устинья жила у своей тетки Анфисы Ивановны *Холщевниковой* в трех небольших комнатах при частной старообрядческой молельне <...> Узенький коридорчик с окнами в часовню давал возможность проходить из большой, темной передней в закутки Холщевниковой. Это были очень низенькие светлые комнаты, каждая по одному окну, на подоконниках которых всегда толклись жирные голуби с ближайшего рынка. Несмотря на близость молитвенного места, никаких специальных признаков особого благочестия в этой квартире не было, и помещение походило просто на *уездный дом где-нибудь на Оке или Волге*, в котором можно вообразить и убийства, и долгое моление, и смех, и песни, и щелканье больших счетов, но охотнее всего представляется бесцельное глазенье из окон, тупые думы и сонная одурь».²⁸ Хотя действие романа происходит в Петербурге на Гагаринской улице близ Пантелеймоновского рынка (напротив которого Кузмин в 1912–1913 годах жил на квартире Судейкиных), но и фамилия Холщевниковой, и упоминание уездного дома на Волге представляются вовсе не случайными. Весьма вероятно, что Кузмин включил в свое произведение фамилию владелицы и описание ярославского дома, услышанные из рассказов матери или старшей сестры.

Со стороны Никольской улицы (ныне улица Волкова) к участку дома, где родился Кузмин, примыкала земля, принадлежавшая купцу второй гильдии Ф. Ф. Шмырову. Нашлось краткое свидетельство его потомков: «К домовладениям Шмыровых примыкал сад, принадлежавший соседям — Холщевниковым».²⁹ То есть сад Холщевниковых на углу Малой Варваринской и Никольской улиц был действительно незаурядным, если удостоился особого упоминания в мемуарных заметках как Шмыровых, так и внучатой племянницы Кузмина.

Увы, в начале XXI века на тихой улице Кедрова между уютными домами старого Ярославля были буквально втиснуты новые постройки, что нарушило исторически сложившуюся городскую среду и вызвало вполне обоснованные протесты местных жителей. Уча-

сток бывшего сада Холщевниковой на углу улиц Кедрова и Волкова в 2009 году занял «элитный» жилой дом с трехуровневыми квартирами площадью по 450 квадратных метров.

Но фасад дома Холщевниковой сохранился до наших дней практически без серьезных изменений. Лишь большое полуциркульное окно мезонина заменено на два прямоугольных. Сейчас дом № 5 по улице Кедрова, остается обычным жилым домом исторического центра Ярославля. И ничто не указывает, что в нем родился один из крупнейших поэтов Серебряного века. На нем нет никаких памятных табличек, путеводители и краеведческие публикации не уделяют ему внимания, перед ним не останавливаются экскурсионные группы. Впрочем, теперь на карте поставлена точка, с которой начался жизненный путь Кузмина. Мы же с лёгким сердцем поставим точку в конце нашего исследования.

¹ *Евдокимов Е. В.* «В скромном родительском доме...» Ранняя биография М. А. Кузмина в документах (1872–1891) // Михаил Кузмин. Литературная судьба и художественная среда / Под ред. П. В. Дмитриева, А. В. Лаврова. СПб., 2015. С. 172. Этот наш обзор вызвал в свое время остроумное замечание П. В. Дмитриева, назвавшего его «пренатальной биографией Кузмина».

² *Гусакова З. Е.* Штрихи к биографии Михаила Кузмина (1872–1936 гг.) // Литературное краеведение Поволжья: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 41.

³ Подробнее см.: *Ваганова И. В.* Неоконченный роман в письмах. Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, 1911–1916 годы. Рыбинск, 2018. С. 105–112.

⁴ Каталог кн-ва К. Ф. Некрасова. На 15 мая 1912 г. <М., 1912>. С. 5–6. Ориг. публ.: *Кузмин М.* Заметки о русской беллетристике // Аполлон. 1912. № 2. С. 73.

⁵ *Дмитриев П. В., Тимофеев А. Г.* Библиография критической прозы М. А. Кузмина // De visu. 1994. № 5/6 (16). С. 94–112.

⁶ ГАЯО, ф. Р-572, оп. 1, д. 32, л. 166–170. Впервые об этих рукописях Кузмина сообщено в публ.: *Смирнов Я. Е.* Краеведческие материалы в архиве профессора С. С. Дмитриева и их историко-культурное значение // Архивы: история и современность: материалы конференции, посвященной 80-летию архивной службы Российской Федерации (Углич. 28–29 мая 1998 г.). Государственный архив Ярославской области, 1999. С. 38. Фотомеханическое воспроизведение автографов: *Скибинская О. Н.* Мария Петровых: ярославские проекции. Ярославль, 2020. С. 135–136, 138–139.

⁷ Кузмин по своему обыкновению указал иной, фиктивный год рождения вместо верного — 1872.

⁸ *Скибинская О. Н.* Указ. соч. С. 138.

⁹ См., например: *Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1990 год.

СПб., 1993. С. 17–36; *Тимофеев А. Г.* Материалы М. А. Кузмина в Рукописном отделе Пушкинского дома: Некоторые дополнения // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб., 1994. С. 52–62.

¹⁰ В 1907 пьеса Кузмина «Комедия о Евдокии из Гелиополя, или Обращенная куртизанка» планировалась к постановке В. Э. Мейерхольдом, но была категорически отвергнута В. Ф. Комиссаржевской. Подробнее см.: *Дмитриев П. В.* М. Кузмин: разыскания и комментарии. СПб., 2016. С. 43–62.

¹¹ Премьера балета Р. Штрауса «Легенда об Иосифе» (в момент подготовки иногда именовался «Иосиф Прекрасный») в постановке антрепризы С. П. Дягилева состоялась 14 мая 1914 в театре Гранд-Опера в Париже.

¹² ГАЯО, ф. 582, оп. 1, д. 1156, л. 5–6. Н. И. Кульбин жил в соседнем с Териоками поселке Куоккала. Сведений о постановке этой пьесы летом 1914 в Териоках найти не удалось.

¹³ Стихотворение 1916 «Я знаю вас не понаслышке...» из цикла «Русский рай» вошло в книгу стихов Кузмина «Вожатый».

¹⁴ Материалы для дворянской родословной книги Ярославской губернии / Сост. Ю. И. Гавриленко [и др.]; ред. А. А. Шумков. М., 2018. С. 243.

¹⁵ ГАЯО, ф. 213, оп. 1, д. 1622, л. 109 об.

¹⁶ ГАЯО, ф. 230, оп. 3, д. 1609, л. 102.

¹⁷ Ярославль: историко-топонимический справочник / Под ред. А. Ю. Данилова и Н. С. Землянской. Ярославль, 2006. С. 55.

¹⁸ ГАЯО, ф. 1367, оп. 1, д. 1968, л. 76.

¹⁹ Биографические сведения о нем см.: *Семевский В. И.* Петрашвец П. А. Кузмин // Историко-литературный сборник: Посвящается Всеволоду Измаиловичу Срезневскому (1891–1916 гг.). Л., 1924. С. 1–10.

²⁰ По-семейному (*фр.*).

²¹ *Кузмин М. А.* Дневник 1905–1907 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2000. С. 207.

²² Там же. С. 305.

²³ *Минакина Н. Н.* Воспоминания о Сергее Ауслендере и Михаиле Кузмине / Публ., предисл. и коммент. Т. П. Буслаковой // Русская культура XX века на родине и в эмиграции: Имена, проблемы, факты. М., 2000. Вып. 1. С. 151.

²⁴ ГАЯО, ф. 121, оп. 1, д. 2140, л. 6 об.

²⁵ *Землянская Н. С.* Ярославская усадьба профессора Зиновьева // Россия Лермонтова: Материалы Вторых Лермонтовских чтений. Ярославль, 2002. С. 45.

²⁶ *Дмитриев П. В.* Произведения М. Ю. Лермонтова в музыке М. А. Кузмина // Лермонтовские чтения—2013. Лермонтов: музыка и кинематография. СПб., 2014. С. 81.

²⁷ ГАЯО, ф. 642, оп. 3, д. 1321, л. 90.

²⁸ *Кузмин М. А.* Проза. В 12 т. Т. VI. Тихий страж. Бабушкина шкатулка. Рассказы / Ред. и примеч. В. Маркова и Ф. Шольца. Berkeley, 1986. (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vol. 19). С. 79–80.

²⁹ *Демина А.* Вот дом, которым владел купец // Золотое кольцо. 1992. 14 ноября. № 221 (479). С. 6.